

Ничто не может сердце обмануть
(как ни старайся, дьявольское семя!),
оно с душою связано, и время
союз не сможет поломать, согнуть.
И каждому хотелось бы вернуть
любовь и милость! Но родное семь – «я»
меня легко постукивают в темя:
ты знай, что каждый хочет нас надуть.
Таков наш век! И редкому уму
даётся доброе... И потому
найдётся ль, кто навечно обвенчались!?
Нежнейшее рождается в беде.
А сердце? На вопросы – что и где? –
оно всегда таинственно молчало.

Оно всегда таинственно молчало,
 когда душа металась от тоски,
 и ей шептали вороги: покинь
 сей мир людской, истерзанный в печали,
 изрытый оспой, корью и мочалом.
 Нет, не промыты нам ещё мозги!
 В земной купели плавают сморчки,
 и белый гриб, и бестолочь – Молчалин.
 Но сердце друга? Кто его поймёт,
 когда, наивное, спешит в полёт
 обнять другое, чтобы не серчалю.
 Земной любви не надо громких слов,
 издалека ей слышен тихий зов,
 каким бы горьким ни было начало.

Каким бы горьким ни было начало,
 иди, дыши свободой! Ей одной
 поведать можешь, что пробито дно
 в твоей ладье, и не к кому причалить.
 Ты вспомни странника: гора молчала,
 над озером спадал полдневный зной,
 закат густел, и холодок ночной
 плыл медленно по волосам курчавым...
 О чём задумались, земные старцы?
 Века – мгновения. Но знайте, братцы, –
 из недр земли расти! Нельзя свернуть.
 Сквозь тьму прорваться, одолеть глубины!
 Нам такова – великая судьбина:
 кремнист и зыбок человека путь.

Кремнист и зыбок человека путь,
 не знаешь, где холера ожидает,
 COVID, наверное, о нас мечтает,
 готов от радости на всех чихнуть.
 И шар земной готов он потряхнуть,
 спровадить люд, покойно, в двери рая,
 и мекфистофить, горло надрывая,
 за чёртом к чёрным дырам сигануть.
 А было всё, казалось, в нашей власти:
 пенициллин избавил от напасти,
 сумел Вишневский раны затянуть.
 Но кто-то варит яд, исчадьё ада,
 клещей разводит, мерзких колорадо...
 Крепись, душа! Миг счастья не вернуть?

Крепись, душа! Миг счастья не вернуть?
 Пред Господом склонись, пади в колени,
 за всех живущих сотвори моление,
 подумай снова долгу присягнуть.
 Тебе бы, отрок, в голову втолкнуть:
 Святое есть, живёт оно в боренье
 за слово то, неведомое тленью,
 что Богом нам дано на долгий путь.
 Да, всё пройдёт. Но слово к нам пришло
 из тьмы веков, чтоб не сокрылось зло
 и перед Божьим светом отвечало.
 Иного нет, пока горит огонь.
 А челядь сладкой речью только тронь,
 на волнах лести, смотришь, укачало.

На волнах лести, смотришь, укачало
 тебя, плывёшь на пузырях любви
 Днестром ли, или по родной Оби.
 Не зря сорока на ухо трещала,
 что день – последний твой, и на Крещатик
 сбегутся гарные своих лупить,
 в порядке нового славян долбить,
 как будто матка ридна завещала.
 Чума на дом твой! Это новый спам,
 несущий нам очередной бедлам.
 Наверно, позабыли, кто сучара?
 Предчувствуя, что скоро грянет гром,
 душа снуёт между добром и злом –
 возьми тогда надёжнее причала.

Возьми тогда надёжнее причала
 то, что не смоеет лихолетье лет,
 что не затопит мракобесье бед –
 мысль человека. То бы облегчало
 судьбу живому, чтоб не одичало.
 Так завернись, душа, в свой белый плед
 и на площадку! Встретится сосед:
 «Нинь хао, друг! Салам! Не огорчаю?»
 Но вдруг увидишь «львиную гримасу»!
 «Живые мертвецы» добавят газу –
 покинешь моментально эту чудь!
 Одумайся, француз ты или русский,
 спаси игру, достань, но без нагрузки,
 «Тинькоффа» карту, чтобы козырнуть.

«Тинькоффа» карту, чтобы козырнуть,
 прошу, молю: мне дайте, умираю,
 в игре со смертью – бисером мелькаю,
 не знаю, как штамм «дельта» припугнуть.
 А оспа-тварь могла блохой скакнуть
 в ремки матроса, плыть к Востоку-краю...
 Богиня Шитала спасёт? Не знаю!
 Но есть, о чём потомкам намекнуть:
 мой руки, береги себя, чело,
 прививку сделай, чтобы пронесло,
 утихомирь свой воспалённый разум.
 Хорош ли ты собою или плох,
 запомни, всех поставят на горох –
 в «зелёной зоне» мы полны заразой.

В «зелёной зоне» мы полны заразой:
 туберкулёз, (ещё пришёл Covid!),
 холера, тиф, полиомиелит,
 «лентяйка-смерть» – проклятая проказа.
 Вот горе нам! Нельзя в траве полазить:
 то клещ вопьётся (сердце заболит),
 то ногу ранит («дельта» залетит),
 а на инфекцию – не хватит мази.
 Бандюга-«омикрон», большой игрок,
 меняется через короткий срок,
 всё делает открыто, для показа.
 А мы упрямы, хоть на вид и дрянь,
 так просто не заставишь яд принять,
 какие б ни слагались нам указы.

Какие б ни слагались нам указы,
 исполним-перевыполним свой план!
 Организуем новый CYBERPLAT,
 во всевозможные украсим стразы.
 От пандемии прячемся в рассказах:
 учёных – тьма, а всё одно – бла-бла,
 и нет в душе родимого тепла...
 Из детства слышу мамы «казы-казы»...
 Любовью к свету и земле привиты,
 к обскому берегу волной прибиты,
 стрептомицин-карбид горит во рту!
 Рамсес измучился лежать веками:
 «Изьела оспа!» – скажет новый сканер...
 Я – космос, весь в движении, как ртуть.

Я – космос, весь в движении, как ртуть.
 Свобода всех от гибели излечит.
 Над нами сумрак вьётся, словно кричит,
 угарный газ, метан рвёт в клочья грудь.
 Переживём с молитвой как-нибудь.
 Сертификат как щит? Изыди, нечисть!
 И не укол, а молочка бы глечик,
 тогда душа передохнёт чуть-чуть.
 А в «красной зоне» – белое пятно:
 врачи в скафандрах, и больной геном,
 и кислород родной отчизны.
 И цифра есть! Не много ли услуг
 дано тебе? Но будь уверен, друг,
 с тобой на зоне, брат, всегда по жизни.

С тобой на зоне, брат, всегда по жизни.
 Не думай умирать! Живи как Бог!
 Тебе ведь быть счастливым не слабо?
 Но, может, ты на облаках зависнешь...
 Дерзай! А то, как молоко, прокиснешь!
 Ибупрофен поддержит слабый пол,
 бронхо-мунал поможет, арбидол...
 Для миллиарда ты, наверно, лишний?
 Грядёт «Герника» – ужасов трихин.
 Тревогой дышит в детской балдахин,
 идёт невидимый по душам призрак.
 Но, верю, кто-то в чуждой стороне
 сто грамм поднимет, словно на войне,
 помянут нас на ежегодной тризне.

Помянут нас на ежегодной тризне
 лихие хакеры, им что терять!
 От фейков оборвались якоря –
 корабль Рембо ложь-ржавчина изгрызла.
 Бушуют страсти, ненависти мысли!
 Пред судным днём нас будут укорять
 остатки совести, выпрашивая зря
 прощенье Господа за море грызни.
 Единство мира – главный наш спаситель,
 и опыт человечества – учитель.
 Умрём и я, и ты. Простите, люди, грусть.
 Она бессмертна, как любовь и песня,
 и есть желание, оно как бездна:
 но всё ли совершили? В этом суть.

Но всё ли совершили? В этом суть.
 Ужели жить придётся в «красной зоне»?
 Наука медлит (едет на «FORDSONe»),
 а штаммы – разворачивают жуть.
 Когда рассеется такая муть?
 Раскрученная на безон-бозоне
 людей купает в голубом озоне –
 летящих в космос, чтобы хайпануть...
 Добро творится чистыми руками.
 Единственное, что живёт веками –
 доверие друг к другу бы вернуть!
 Какие б нам соблазны ни давались,
 пока земной шар бомбы не взорвали,
 ничто не может сердце обмануть.

Ничто не может сердце обмануть.
 Оно всегда таинственно молчало,
 каким бы горьким ни было начало:
 кремнист и зыбок человека путь.
 Крепись, душа! Миг счастья не вернуть?
 На волнах лести, смотришь, укачало.
 Возьми тогда надёжнее причала –
 «Тинькоффа» карту, чтобы козырнуть.
 В «зелёной зоне» мы полны заразой.
 Какие б ни слагались нам указы,
 я – космос, весь в движении, как ртуть.
 С тобой на зоне, брат, всегда по жизни,
 помянут нас на ежегодной тризне.
 Но всё ли совершили? В этом суть.